

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. 1945-1963 гг. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, 640 с.

Сборник статей, выпущенный под эгидой Института всеобщей истории РАН, стал крупным шагом вперед по сравнению с первыми трудами по истории биполярной конфронтации, появившимися в постсоветский период¹.

«Если говорить о концепции книги в целом, - отмечает во "Введении" Н.И. Егорова, - то статьи объединяет общий замысел авторского коллектива: показать холодную войну как процесс, на зарождение и динамику которого влияли не только глубинные идейно-политические факторы, но и целый ряд событий международной и внутривнутриполитической жизни обеих противоборствующих сторон. Выбор хронологических рамок с 1945 г. до начала 1960-х годов обусловлен целью изучения наиболее острого периода конфронтации, а также тем комплексом отечественных документов, которые к настоящему времени рассекречены и могли быть использованы исследователями при подготовке книги» (с. 9).

Документальная база исследования обширна: авторы опирались на материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Архива внешней политики РФ, Архива Президента РФ и Архива Службы внешней разведки РФ, а также Национального архива США и сборников документов по внешней политике США².

Изучение книги показывает, что множество политических и военных проблем мировой политики начального периода "холодной войны" имеют четкие параллели в современной мировой политике. Неслучайно авторы сборника пошли по пути использования политологических подходов к анализу истории "холодной войны", популярность которых выросла в последние годы на фоне успеха ряда

крупных монографий, выполненных на стыке истории и политологии³.

На размышления об исторических аналогиях наталкивает, например, статья В.О. Печатнова "От союза - к вражде (советско-американские отношения в 1945-1946 гг.)", в которой анализируются отношения между СССР и его западными союзниками на заключительном этапе второй мировой войны. Автор статьи убедительно демонстрирует, сколь сложные препятствия развитию партнерства между СССР и США в те годы ставила бюрократическая инерция. Анализ В.О. Печатнова показывает, что сторонам было тяжело преодолевать наследие долгих лет межвоенной конфронтации даже в периоды радужных ожиданий. Опыт противостояния запечатлелся в памяти государственных аппаратов и стал труднопреодолимым даже для таких целеустремленных политических лидеров как Ф. Рузвельт.

Опыт складывания, а затем демонтажа антигитлеровской коалиции в 1940-е годы необходимо учитывать при анализе современных отношений России с Западом. В этих отношениях налицо та же самая бюрократическая инерция, перед которой зачастую бессильна даже логика единой для всех угрозы экстремизма и его террористических проявлений в начале XXI в.

К более существенным расхождениям между союзниками, чем инерция бюрократического мышления или преходящие ценности политических лидеров, обращается Д.Г. Наджафов в статье "К вопросу о генезисе холодной войны". Рассматривая влияние советской идеологии на формирование послевоенной геополитической стратегии СССР, Д.Г. Наджафов вскрывает почти непреодолимые проблемы, с которыми был обречен столкнуться советско-британо-американский союз. Так, сталин-

¹ Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945-1985). Новое прочтение. Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995; Холодная война: новые подходы, новые документы. Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995; Сталинское десятилетие холодной войны. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999.

² Foreign Relations of the United States - FRUS.

³ Системная история международных отношений. 1918-2003. Отв. ред. А.Д. Богатуров, т. 1,2, М., 2000; т. 3, 4, М., 2003; Наринский М.М. История международных отношений. 1945—1975. М., 2004; Ди Нольфо Э. История международных отношений. 1918-1999. М., 2003.

ский режим не собирался отказываться от обоснованной идеологически и опробованной на практике в конце 1930-х — начале 1940-х годов тактики использования "межимпериалистических противоречий". Такой подход был плохо совместим с поддержанием духа сотрудничества в отношениях между союзниками. В то же время, для полноты анализа автору, очевидно, стоило бы более детально отразить встречное неприятие ценностей советского строя западными союзниками СССР, которые также не стремились скрывать тактический характер объединения с Москвой в борьбе с нацизмом на протяжении первой половины 40-х годов.

Помимо ценностных расхождений, сохранению союза СССР и США препятствовали и геополитические противоречия. Важным внешнеполитическим приоритетом СССР в 1940-е годы, ставшим одним из главных объективных факторов развязывания "холодной войны", было сохранение советского влияния в Центральной и Восточной Европе. Этого планировалось достичь посредством укрепления идеологически близких Москве режимов в странах региона. Признавая легитимность данного устремления советского руководства, Запад, однако, расходился со Сталиным в оценке целесообразности степени контроля над данными режимами со стороны Москвы. Как показывает на основании новых документов Л.Я. Гибианский в статье "Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока", руководство США и Великобритании ожидало, что СССР ограничится лишь обеспечением дружественности государств на его западных границах, в то время как Сталин еще в ходе второй мировой войны поставил задачу закрепления в этих странах режимов, контролируемых Москвой. Выдвинутые ранее различными исследователями гипотезы относительно готовности советских руководителей допустить политический и идеологический плюрализм в Центральной и Восточной Европе Л.Я. Гибианский считает необоснованными.

Вместе с тем, как отмечает Н.И. Егорова, автор статей "Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947-1953 гг.)" и "Европейская безопасность, 1954-1955 гг.: поиски новых подходов", "консолидировав" просоветские режимы в Центральной и Восточной Европе, Сталин не сразу создал из них военно-политический союз. Строительство военных блоков первыми начали государства Запада в 1948-1949 гг. По мнению Н.И. Егоровой, "угроза национальной безопасности СССР (связанная с размещением военных баз НАТО по периметру границ СССР. - *М.Т.*) действительно волновала советское руководство", которое было вынуждено предпринимать ответные меры (с. 197).

Исходя из проведенного авторами сборника анализа, можно заключить, что проблема руководства СССР в послевоенное время заключалась скорее в том, что Сталин и его соратники переоценивали роль военной силы в будущем мировом устройстве,

а также степень военной угрозы советским интересам со стороны других государств. На языке политики такую тенденцию называют "секьюритизацией" внешней и внутренней политики страны, т.е. подчинением различных аспектов жизнедеятельности общества и государства узко трактуемым интересам безопасности. Склонность Сталина к "секьюритизации" можно понять, учитывая масштаб военных разрушений и воспоминания о недавней войне.

Не вполне понимая роль свободного экономического взаимодействия в поддержании мира и стабильности, Советский Союз усмотрел в объединительных процессах на Европейском континенте начала 50-х годов лишь военное измерение (с. 199), что способствовало враждебности отношений между Востоком и Западом и вело к состоянию "холодной войны".

В дальнейшем нежелание отдать должное свободному экономическому измерению национальной мощи, очевидно, привело советское руководство к политике противодействия созданию западногерманского государства. Одной из причин озабоченности советской стороны, как указывает А.М. Филитов в статье "СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941-1961 гг.)", было наметившееся в 1948 г. опережение западными зонами Германии ее восточной (советской) зоны в экономическом восстановлении и развитии страны (с. 236). Таким образом, вместе с другими нежелательными последствиями, образование западногерманского государства могло подорвать внутреннюю привлекательность режима, формировавшегося в восточной зоне оккупации, равно как и советское влияние в Германии в целом.

А.М. Филитов выдвинул в своей статье ряд оригинальных гипотез. Он, например, предполагает, что действия СССР по блокаде Западного Берлина в 1948-1949 гг. и согласие советского руководства на нападение Северной Кореи на Южную в 1950 г. имели целью "тестировать" американские намерения в отношении развязывания глобальной войны. Согласно логике автора, если бы США «готовились к "большой войне"», они не стали бы в сложившейся ситуации "цепляться" за Западный Берлин и Южную Корею. По мнению А.М. Филитова, "именно эта логика объясняет, почему с советской стороны не предпринимали никаких мер против... контрабанды продуктов из Восточного Берлина в Западный", а также "почему параллельно с ростом числа полетов все спокойнее становился тон советской пропаганды" (с. 238).

Обсуждение германского вопроса было естественным образом связано с Кубинским кризисом, отмечает академик А.А. Фурсенко, автор статьи "Проблемы изучения истории Кубинского кризиса" (с. 595).

Исследованные академиком А.А. Фурсенко документы российских архивов свидетельствуют, что человечество в 1962 г. было даже ближе к краю

ядерной пропасти, чем ученые считали раньше. "Наиболее важный аспект изучения Кубинского кризиса заключается в том, — отмечает А.А. Фурсенко, — что он не может рассматриваться лишь как эпизод советско-американских и советско-кубинских отношений, в отрыве от развития международных отношений периода холодной войны. События вокруг Кубы могут быть поняты только в контексте с главными событиями того времени: Берлинским кризисом, возведением Берлинской стены, международными отношениями на Дальнем Востоке и т.д." (с. 585).

Участие в сборнике американского историка К. Уэзерсби придает книге новый аспект: исследователи из стран, противостоявших друг другу во времена "холодной войны", ныне совместно работают над "преодолением прошлого". В статье "Война в Корее 1950-1953 гг.: холодная война разгорается" К. Уэзерсби отмечает, что «есть некая ирония в том, что у истоков холодной войны, когда внимание обеих сторон было приковано к Европе, поворотным моментом в ходе конфликта, определившим характер противостояния на весь оставшийся период, стало начало войны на далеком Корейском полуострове в июне 1950 г. Война в Корее привела к глобализации и милитаризации холодной войны, но одновременно и к ограничению ее масштаба - она дала образец "опосредованного конфликта", что позволяло Советскому Союзу и Соединенным Штатам избегать прямого военного столкновения» (с. 257).

Как показывают документы, огромную роль в готовности сторон к эскалации напряженности во второй половине 40-х годов сыграло обретение сначала американской, а затем советской стороной атомного оружия и развитие средств его доставки. Советское руководство - и в первую очередь лично Сталин - были глубоко уязвлены отказом недавних союзников поделиться с СССР секретами атомной технологии. Как полагает автор статьи «Игра без мяча: социально-психологический контекст советской "атомной дипломатии" (1945-1949 гг.)» В.Л. Мальков, именно это обстоятельство породило решимость Сталина не останавливаться ни перед какими затратами и человеческими жертвами во имя достижения ядерного паритета с США. Это, в свою очередь, подтолкнуло советское руководство к форсированию "подмораживания" советской внутренней политики и экономических отношений, окончательно определило невозможность поддержания какого-либо единства вращающихся союзников на основе общих ценностей.

По аналогии с "бахвальством" консервативных кругов американского руководства в связи с атомной монополией США с 1945 по 1949 гг., внешняя политика СССР стала гораздо более наступательной и непримиримой с момента получения Сталиным отчета группы ученых-атомщиков, информировавших советского лидера о близости создания советской атомной бомбы. В сложившейся ситуации руководители СССР отвергли план, "предусматривавший вхождение в диалог с Западом (на

базе американских проектов) по вопросу о контроле над атомными ресурсами мира и производством атомной энергии" (с. 307).

Вместе с тем, как показывает Ю.Н. Смирнов в статье "Холодная война как явление ядерного века", именно ядерное оружие, став одним из наиболее вероятных инструментов "горячей конфронтации", к концу 50-х годов подтолкнуло две сверхдержавы к поиску совместных мер обеспечения глобальной безопасности. Поняв в ходе ядерных испытаний, какие последствия могла бы иметь эскалация противоречий до уровня ядерного конфликта, СССР и США наметили общие интересы в области ядерного нераспространения, что к концу 60-х годов привело на время к разрядке международной напряженности.

В.В. Позняков, автор статьи "Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944—1953 гг.)", приходит к выводу о том, что деятельность советской разведки "в сфере атомного шпионажа существенно ускорила осуществление отечественной ядерной программы" (с. 336). Однако информация, которую добывали советские разведчики, часто подвергая себя смертельному риску, далеко не всегда доходила до "потребителей" и во многих случаях поступала к ним с опозданием. Однако и тогда, когда информация поступала вовремя, не было никакой гарантии, что она будет полностью использована "заказчиками". «Периодически высказываемое Сталиным, Молотовым, Берией и другими членами Политбюро недоверие к представленной разведками информации и раздражение, которое они не скрывали в тех случаях, когда представленные им сведения противоречили их... представлениям и оценкам ситуации, побуждали руководителей ГРУ, ПУ и КИ скрывать неприятные сообщения и факты или оценивать их как "недостаточно проверенные"» (с. 349).

Тему противостояния разведок в годы ранней "холодной войны" продолжает А.И. Аггеева, автор статьи "Канада и начало холодной войны: дело Гудзенко в советско-канадских отношениях". Бегство в сентябре 1945 г. из советского посольства в Оттаве шифровальщика И. Гудзенко было использовано канадской стороной в пропагандистских антисоветских целях и "стало одним из первых в практике холодной войны, когда обстоятельства деятельности военной разведки были преданы гласности в далеких идущих по своим последствиям политических целях", - отмечает автор (с. 401).

Ар.А. Улуния в статье "Греция и Турция между Западом и Востоком" рассматривает эти страны как объект противоборства СССР и США в 1950-е годы. Эти государства, обретшие к началу 1960-х годов статус региональных держав, стали частью западного блока, его "слабым звеном" (с. 427).

И.В. Гайдук в статье "Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю" подчеркивает,

что "в Москве боялась разрастания конфликта в Индокитае и его глобализации. Женевские соглашения устранили эту опасность, по крайней мере, на некоторое время... При этом советское руководство было в меньшей степени обеспокоено тем, что в результате Женевских соглашений Вьетнам оказался расколотым на две части... Гораздо большее беспокойство Москвы вызывала позиция США" (с. 451).

При всем значении Индокитайского фронта "холодной войны", ключевую роль в системе отношений Восток-Запад играла Европа. Эту точку зрения разделяет А.С. Стыкалин, автор статьи "Восточная Европа в системе отношений Восток-Запад (1953 — начало 1960-х гг.)".

С обострением ситуации в Восточной Европе в 1956 г. совпал Суэцкий кризис. Автор статьи "Суэцкий кризис 1956 г." М.Я. Пелипась приходит к выводу о том, что уроки этого кризиса еще раз продемонстрировали, что "даже в условиях военно-силовой конфронтации СССР и США участники мирового сообщества должны стремиться к пониманию и учету интересов друг друга, созданию обстановки взаимной предсказуемости действий" (с. 581).

Итоги последних полутора десятилетий изучения биполярной конфронтации подвел в "Послесловии" академик А.О. Чубарьян. Он отметил усиление сотрудничества ученых из различных государств, изучающих историю "холодной войны"; заметное расширение источниковедческой базы позволило многим исследователям перейти от поиска новых фактов к анализу методологических и теоретических проблем международных отношений послевоен-

ного периода. Академик А.О. Чубарьян также сформулировал перспективную программу дальнейшего изучения "холодной войны". По его мнению, в число вопросов, которым стоит уделить особое внимание, входят происхождение "холодной войны" и ее поворотные моменты, политика "малых" участников противостоявших блоков, а также нейтральных государств, роль объединения Германии в окончании биполярной конфронтации и т.д.

Коллектив авторов и редакторов стремился сделать книгу интересной и доступной широкому кругу читателей, помимо специалистов-историков из академических институтов и образовательных учреждений (о подобном намерении говорит выбор издательства, дизайн обложки, тираж). Знакомство со сборником делает очевидной его пользу в качестве пособия по принятию решений для современных дипломатов и других практиков из сферы международных отношений и внешней политики.

Сборник "Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива", без сомнения, удался. Новый коллективный труд историков из России и США по "холодной войне" - важная веха в изучении недавнего, но все еще покрытого сумраком недосказанности и секретности прошлого.

М.А. Троицкий,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
международных отношений и внешней
политики России МГИМО МИД РФ